

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2019.12.58>

Боровская Марина Игоревна, Девятайкина Нина Ивановна

ТЕКСТ И ОБРАЗ В НЕМЕЦКОЙ ГРАФИКЕ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА: ОСОБЕННОСТИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ (В. БУШ)

В статье анализируется "синтетический текст" Вильгельма Буша (Heinrich Christian Wilhelm Busch, 1832-1908) - "Храбрая Мельникова дочь" ("Die k?hne M?llerstochter"), состоящий из сказки в стихах и графических иллюстраций. Актуальность и научная новизна задачи определяются отсутствием современного системного исследования характера взаимодействия слова и графического изображения у Буша, художественных средств, адресации, степени соответствия вызовам времени. Обосновывается вывод о создании автором двух содержательно-ценных текстов, органично связанных друг с другом, и о том, что в художественном языке В. Буша присутствуют признаки искусства эпохи историзма.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/9/2019/12/58.html

Источник

Манускрипт

Тамбов: Грамота, 2019. Том 12. Выпуск 12. С. 294-298. ISSN 2618-9690.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/9.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/9/2019/12/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

Теория и история искусства

Theory and History of Art

УДК 7.03

Дата поступления рукописи: 06.10.2019

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2019.12.58>

В статье анализируется «синтетический текст» Вильгельма Буша (Heinrich Christian Wilhelm Busch, 1832-1908) – «Храбрая Мельникова дочь» (“Die kühne Müllerstochter”), состоящий из сказки в стихах и графических иллюстраций. Актуальность и научная новизна задачи определяются отсутствием современного системного исследования характера взаимодействия слова и графического изображения у Буша, художественных средств, адресации, степени соответствия вызовам времени. Обосновывается вывод о создании автором двух содержательно-ценных текстов, органично связанных друг с другом, и о том, что в художественном языке В. Буша присутствуют признаки искусства эпохи историзма.

Ключевые слова и фразы: Вильгельм Буш; «Храбрая Мельникова дочь»; книжная графика; стихотворные сказки; эпоха историзма; образ; «синтетический текст».

Боровская Марина Игоревна

Девятайкина Нина Ивановна, д.и.н., профессор

Саратовская государственная консерватория имени Л. В. Собинова

borma@list.ru; devyatay@yandex.ru

ТЕКСТ И ОБРАЗ В НЕМЕЦКОЙ ГРАФИКЕ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА: ОСОБЕННОСТИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ (В. БУШ)

Тексты с иллюстрациями «обречены» на возрастающий интерес в наше время, когда визуальность вышла на первое место и являет себя всюду: от детских книжек до академических презентаций. Со своей стороны, и учёный мир всё больше обращается к исследованию «синтетических» текстов в рамках междисциплинарных подходов. Но пока поле для изучения остаётся весьма обширным. В его границах – и интересующий нас стихотворный текст Вильгельма Буша (1832-1908) «Храбрая Мельникова дочь» (“Die kühne Müllerstochter”) с авторскими иллюстративными композициями [5].

Имя В. Буша [6], поэта, художника, карикатуриста, фигурирует в работах у литературоведов и искусствоведов. В трудах первых он представлен как один из мастеров «поэтического реализма», зачинателей немецкой литературы для детей [7]. Среди русскоязычных публикаций выделим статью Л. В. Ильичевой, которая анализирует оригинальные *литературные тексты* нескольких рисованных рассказов автора, их взаимосвязь с переводами [1]. В искусствоведческих работах до сих пор значительный интерес представляют исследования, в том числе специальные, о графике В. Буша [8, S. 196, 198-200; 9]. Однако системного изучения путей, способов и результатов взаимодействия литературного и графического языков в его сказках пока, насколько можно судить, не предпринималось.

Цель статьи – выявить характер взаимодействия между текстом сказки В. Буша «Храбрая Мельникова дочь» и её иллюстрациями, главные стиливые признаки графики.

Актуальность исследования заключается в специальном обращении к произведению В. Буша, в котором он выступает в двойной роли – литератора и художника, позволившем уяснить особенности его творческого метода. **Научная новизна** исследования состоит в том, что впервые системно в рамках междисциплинарных подходов изучены одно из знаковых произведений Буша, взаимодействие в нём слова и графического изображения, средства достижения этого, адресация «синтетического послания», степень соответствия вызовам времени, эпохе историзма, что даёт ключ для рассмотрения других «рисованных историй» автора. Это важно для углубления понимания характера немецкой поэзии и графики эпохи историзма, а также путей развития русской книжной графики середины 1920-х годов (иллюстраций В. М. Юстицкого к Бушу и др.), обращённой к детскому материалу.

«Храбрая Мельникова дочь» (1868) – одна из ярких «историй в картинках» (“die Bildergeschichte”) Генриха Христиана Вильгельма Буша (Heinrich Christian Wilhelm Busch), форму которых он разрабатывал немало лет, состоит из 24 строк, им соответствуют 11 иллюстраций. Ради полноты анализа и удобства представления материала мы свели немецкий *текст* [5] с русским подстрочником в Таблицу 1, иллюстрации – в Таблицу 2.

Таблица 1. В. Буш. «Храбрый Мельников дочь». Оригинал и подстрочный перевод

Номера строк	Немецкий текст	Подстрочный перевод
	Die kühne Müllerstochter	Храбрый Мельников дочь
1.	<i>Es heult der Sturm, die Nacht ist graus, Die Lampe schimmert im Müllerhaus.</i>	<i>Воеет буря, ночь ужасна, В доме мельника мерцает лампа.</i>
2.	<i>Da schleichen drei Räuber wild und stumm – Husch, husch! pist, pist! – ums Haus herum.</i>	<i>Здесь крадутся три разбойника дико и бесшумно. – Хуш, хуш! пист, пист! – вокруг дома.</i>
3.	<i>Die Müllerstochter spinnt allein, Drei Räuber schauen zum Fenster herein.</i>	<i>Дочь мельника одна прядёт, Три разбойника заглядывают в окно.</i>
4.	<i>Der zweite will Blut, der dritte will Gold, Der erste, der ist dem Mädchel hold.</i>	<i>Второй жаждет крови, третий жаждет денег, А первый, первый прельщён девушкой.</i>
5.	<i>Und als der erste steigt herein, Da hebt das Mädchen den Mühlenstein.</i>	<i>И когда первый залез внутрь, Тут же подняла девушка мельничный жернов.</i>
6.	<i>Und – patsch! – der Räuber lebt nicht mehr, Der Mühlenstein drückt ihn gar zu sehr.</i>	<i>И – патч! – разбойник больше не живёт, Жернов прижал его слишком сильно.</i>
7.	<i>Doch schon erscheint mordgierig-heiter Und steigt durchs Loch der Räuber zweiter.</i>	<i>Но уже показался жаждущий убийства, И лезет через дыру второй разбойник.</i>
8.	<i>Ha! Hu! – Er ist, eh er's gewollt, Wie Rollenknaster aufgerollt.</i>	<i>Аа! Уу! – и прежде чем он это понял, На круглый вал он намотан.</i>
9.	<i>Jetzt aber naht mit kühnem Schritte Voll Goldbegierigkeit der dritte.</i>	<i>Но теперь приближается смелым шагом жаждущий золота третий.</i>
10.	<i>Schnapp! – ist der Hals ihm eingekommen; Er stirbt, weil ihm die Luft benommen.</i>	<i>Шнап! – и горло ему пережали; Он умер, потому что у него воздух отняли.</i>
11.	<i>So starben die drei ganz unverhofft. O, Jüngling! da schau her!!! So bringt ein einzig Mädchen oft Drei Männer ins Malheur!!!!</i>	<i>Так умерли эти трое совсем неожиданно. О, юноша! так что будь осторожен!!! Так доводит часто одна единственная девушка Трёх мужчин до беды!!!!</i>

Таблица 1 позволяет видеть, что текст состоит из десяти двустопных (по типу строк – самых простых) и финального четверостишия (катрена), скреплённых рифмами (книттельферз). Финальная строка более объёмна, как того и требует поэтическая форма. Рифма, лексика, организация текста уходят корнями в народную поэзию, подхваченную и развитую в эпоху Возрождения С. Брантом [3, с. 64, 106, 143] и его современниками – поэтами вроде Пинитиана [10, S. 454]. Все это оказалось особо востребованным в эпоху историзма с её обращением к национальному прошлому. Заметим, что Буш лаконичен и ироничен, где оправдано, в лексике, знает законы создания литературной интриги, силу воздействия звукописи.

Сюжет «истории» драматичен: тёмной ночью, в бурю, на мельницу, где пребывает героиня истории – Мельников дочь, – проникли один за другим три разбойника с намерениями обесчестить, убить и ограбить девушку. Однако она не растерялась, справилась по очереди с каждым из них: разбойники живыми не ушли. Сюжет, как показывает анализ графического сопровождения, разворачивается в едином пространстве (см. Таблица 2). Это мельница, внутри которой находится героиня и в которую сначала заглядывают через освещённое окно, а потом по очереди проникают преступники. Из временных признаков обозначено лишь время суток, о сезоне года можно лишь догадываться в связи с упоминанием в *тексте* воющей бури и «экипировкой» (в авторских *иллюстрациях*) мужских персонажей, одетых, скорее всего, по-осеннему.

Заметим, что имена отсутствуют у всех четверых. Это вряд ли случайно, в других текстах Буша многие персонажи их имеют. Можно понять, что «именем» героини фактически становится её статус – дочь мельника. Для немецкой литературы это, напомним, один из самых знаковых образов. В сказках именно дочь мельника «награждается» превосходными характеристиками: она – красавица, прядёт золотую нить из соломы, становится женой короля, борется со злом и побеждает его. Вспомним «Румпельштильцхен» (“Rumpelstilzchen”) братьев Гримм. Единственная оценочная характеристика Мельниковой дочери в тексте Буша вынесена в заглавие: «Храбрый». Это позволяет героине остаться живой и здоровой в почти безнадежной ситуации. Важным «знаком» можно назвать занятие героини: Буш изображает её за прялкой (Таблица 2, илл. 3); это подчёркивает её трудолюбие и домовитость, одновременно усиливая обыденно-повседневную окраску места действия.

Мельников дочь В. Буша через текст и графику наделена типическими для этого персонажа немецкой литературы чертами. В ней сочетаются храбрость древней германки, трудолюбие средневековой крестьянки, умение постоять за себя, физическая крепость – всё, что составляло круг ценностей эпохи национального возрождения Германии, времени историзма [2]. Страшный и одновременно жалкий конец жизни разбойников, выразительно переданный в рисунках, показывает, что у немцев XIX века по-прежнему в чести целомудрие, душевная стойкость, уважение к заповедям «не укради» и «не убий», нарушение которых разбойниками приводит к божьему наказанию, свершённому женской рукой. Через крах преступных планов мужских персонажей В. Буш также доносит отношение немцев к традициям.

Разбойники, как уже говорилось, вообще безымянны. В тексте они предстают как «Первый», «Второй» и «Третий» (Таблица 1, строфы 4, 5, 7, 9). Если иметь в виду подтексты, они – явное олицетворение грехов из ряда «семи смертных»: прелюбодеяния, убийства и алчности. Стихотворные характеристики злодеев, как увидим ниже, существенно дополнены Бушем-иллюстратором.

Символическими смыслами наполнено место действия – мельница; во многих культурах она связана с «вечным колесом жизни», идеей «справедливости судьбы», а также – со Временем, «перемалывающим»

не только зёрна, но и живые «плевелы» – человеческие пороки. В знаменитой истории самого В. Буша о Максе и Морице (1865) в финале мельник перемалывает в мельнице юных хулиганов. Из таких хулиганов могли вырасти и разбойники – персонажи анализируемой сказки, которых кара традиционно и многозначно постигла на мельнице, вписав тем самым в предшествующий ряд.

Таблица 2. В. Буш. «Храбрая Мельникова дочь». Иллюстрации Буша

1.		7.	
2.		8.	
3.		9.	
4.		10.	
5.		11.	
6.			

Обратимся к иллюстрациям. Это 11 композиций, каждая из которых соответствует двустийно и четверостию. Первое, что показывает аналитическое рассмотрение: они различны по размерам. Первая и последняя – самые узкие, с выраженным горизонтальным форматом, что соответствует классической книжной заставке и концовке. Добавим, что у композиций открытые края, что позволяет им органично взаимодействовать с полем книжного листа.

Обратимся к тем моментам, которые пока вовсе не исследованы в трудах искусствоведов, выявим, что представляют собой рисунки Буша к этой сказке с точки зрения сюжета, жанра, образных характеристик и художественного языка. Таблица 2 позволяет видеть, что первому двустийно соответствует единственная *пейзажная* иллюстрация (илл. 1) – классический мотив с яркой романтической окраской, передающий атмосферу бурной ночи. Остальные десять – *жанровые* сценки, изображения персонажей. Героиня появляется в иллюстрации 3 и присутствует до 10-й, предпоследней. Разбойники изображены на всех, кроме первой, при этом как группа – четыре раза: со второй по четвертую и в последней «картинках» (здесь уже как бы и не совсем «они», а то, что от них осталось). В остальных иллюстрациях – поодиночке, «появляясь» по два раза (илл. 5-6, 7-8, 9-10).

«Храбрая» героиня наделена грубоватыми простонародными чертами и мощным телосложением, как и диктовало традиционное представление о красоте. Крепкий стан позволяет ей оказать достойное сопротивление обидчикам. Её визуальный образ раскрывается в развитии: в начале истории – в обычной домашней среде, в последующих поворотах сюжета – в драматических обстоятельствах. Она изображена и уютно расположившейся за прялкой (илл. 3), и ловко перекатывающей тяжёлый жернов – орудие мести (илл. 5), и умело придерживающей опасную верёвочную петлю (илл. 7), и лукаво убегающей после убийства очередного злодея (илл. 8), и уверенно придавливающей крышку сундука, в котором погибает разбойник (илл. 10). Динамичные позы героини передают бурный ритм происходящих событий, а насмешливая мимика, по всей видимости, – заключённый в сюжете юмор. Образы злодеев, скорее, вызывают не страх, а ироническую улыбку благодаря их гротесковой внешности (преувеличенные черты лиц, окарикатуренные пропорции) и нелепым позам. Их экипировка – высокие сапоги, шляпы с перьями, короткие пышные штаны, плащи – выдают в них представителей иной, по сравнению с героиней, социальной среды, возможно, из породы «фальстафов» [4]. Их социальная характеристика нуждается в уточнении, но их чуждость «народу» очевидна.

Все композиции у Буша-иллюстратора решены как жанровые сценки с достаточно подробно обозначенной обстановкой (каменная стена мельницы, интерьер с окном, скамьей, прялкой, мешками, жерновом и т.п.). Отметим, что в середине цикла (илл. 5-7) фактически воспроизводится один интерьер и с единой точки зрения. В восьмой сценке предстаёт он же, только в несколько другом ракурсе. Буш посвящает каждому из трёх основных эпизодов – «расправ» героини над злодеями – по два рисунка. В сопряжении с текстом представлены начальный и конечный моменты жестокого, но заслуженного наказания. Нельзя не отметить, что автор-художник точен в смысловых деталях и персональных «привязках»: например, орудие убийства – острый кинжал – из иллюстрации в иллюстрацию вложен в руку именно второго разбойника, задумавшего лишить героиню жизни.

Кратко охарактеризуем главные средства художественной выразительности. Прежде всего, Буш намеренно упрощает контуры изображений, добиваясь графической заострённости и лаконичности. Объёмно-реалистическая трактовка создаётся с помощью тональной разработки фигур и пространства: разнообразная, местами энергичная штриховка, иногда сгущающаяся до глубокого чёрного тона, передаёт градации света и тени, отделяет фигуры первого плана от «фона», в целом подчёркивает смысловые акценты. Ясно также, что стиль его рисунков во многом связан с особенностями их перевода в печатную графику: более ранние воспроизводились и тиражировались с помощью «тоновой» ксилографии, а с середины 1870-х – цинкографии, дающей некоторые новые возможности.

Наконец, обратимся к выявлению самого сложного и важного: как же взаимодействуют между собой два «текста»? Лучше всего это позволяет понять анализ третьего эпизода: *Дочь мельника одна прядёт, / Три разбойника заглядывают в окно*. Буш-иллюстратор представляет сцену изнутри мельницы: на первом плане – Мельникова дочь на скамье, за прялкой, вполборота к окну, за которым – головы злодеев. Иллюстрация предельно содержательна: на ней – *все* персонажи истории, это их первое столкновение; это и первое появление героини. Её главная роль подчёркнута центральным местоположением фигуры. Впервые представлено изнутри место действия, то есть интерьер мельницы в «доконфликтном» состоянии. Перед нами картина привычного для героини мира. И – полное совпадение «текстов» Буша-поэта и Буша-иллюстратора.

Иные соотношения – в четвёртом эпизоде. Здесь героиня высунулась из верхнего окошка мельницы, видит, что двое подталкивают третьего разбойника, который протискивается через лаз. Рисунок, по сути, не является визуализацией текста. В нём сказано так: *Второй жаждет крови, третий жаждет денег, / А первый, первый прельщён девушкой*. Иными словами, В. Буш *рисует* промежуточное действие, изображая тем самым переход к первому (из трёх главных) эпизоду сюжета.

Исследуем эпизоды, связанные с действиями первого разбойника. В пятой сценке перед глазами предстаёт ни о чём не подозревающий злодей, уже наполовину проникший в мельницу через лаз; героиня незаметно наблюдает за ним, придерживая огромный жернов: *И когда первый залез внутрь, / Тут же подняла девушка мельничный жернов*. Следующий «кадр» – разбойник, придавленный жерновом, над ним – распластанная на полу героиня, разглядывающая дело своих рук. (*И – патч! – разбойник больше не живёт, / Жернов прижал его слишком сильно*).

Оба эпизода изображены, как уже говорилось, с одной точки зрения: мы видим одни и те же подробности – верхний ярус мельницы, где находится героиня, жернов-вал (орудие следующего убийства), дыру

лаза. При этом второй рисунок с раздавленным злодеем «сжимается» по вертикали, как будто сплюснут не только разбойник, но и само изображённое пространство. Здесь текст и рисунки вновь тесно взаимосвязаны. Сходные моменты можно отметить и в отношении других эпизодов.

Основные выводы. Как показало исследование, даже оптически рисунки гораздо активнее текста и действуют, как любой визуальный образ, полнее и убедительнее. Они существенно усиливают текстовые характеристики, оживляют текст деталями – костюмами, предметами обстановки и места действия. Образы персонажей у Буша конкретизируются, обогащаются, наполняются через иллюстрации.

Кроме того, удалось уяснить, что авторский стиль рисунков при его гротесковой выразительности сохраняет реалистическую трактовку всех композиций в целом, тем самым усиливая повествовательную наполненность и содержательность визуального ряда. При сопоставлении двух «текстов» отчетливо стало ясно, что текст в виде рифмованных подписей, в свою очередь, также играет особую роль: обогащает иллюстративный ряд конкретикой сюжета, объясняет смысл происходящего, по-своему уточняя его характеристиками образов, добавляет говорящие детали места и времени действия, выдаёт интонацию и настроение автора. При этом автор тесно, легко и органично переплетает «тексты» между собой. Иллюстрации не просто визуализируют текст, но и «разворачивают» сюжеты. С другой стороны, текст вовсе не превращается в подписи под иллюстрациями, он несет весомую художественно-смысловую нагрузку.

Итак, изученный в соответствии с поставленной целью материал помогает сделать более точный, глубокий, по сути дела, новый вывод о сложном, многоуровневом характере взаимодействия между вербальным и визуальным текстами, позволяет установить, что В. Бушем созданы два содержательно-ценных текста, органично связанных друг с другом. Вместе они показывают ситуацию случая объёмно, конкретно и выразительно и однозначно предопределяют настроения и симпатии читателя.

Проделанный анализ впервые даёт возможность чётко оценить адресацию материала. «Серьёзный» стихотворный текст со «взрослыми» подробностями ориентирован на взрослую же аудиторию. Но благодаря иллюстрациям он заметно «молодеет», ориентирует на сатирическое восприятие истории как осуждение жалких любителей чужого добра, дидактически адресованное и юному читателю.

Исследование позволило заключить, что художественный язык, который избрал В. Буш, тяготеет к литературе и искусству Средних веков и Возрождения, а графика ориентирована, помимо того, и на классическое прошлое. Иными словами, исследованный материал вбирает в себя те признаки, которые присущи искусству историзма, более всего – архитектуре и декоративно-прикладным его видам. Книжная графика Буша может быть поставлена в этот ряд.

Список источников

1. **Ильичева Л. В.** Рисованные рассказы В. Буша в переводах Д. Хармса и С. Маршака [Электронный ресурс]. URL: <http://www.d-harms.ru/library/risovanniy-rasskazy-busha-v-perevodah-harmsa-i-marshaka.html> (дата обращения: 05.03.2019).
2. **История Германии:** учеб. пособие: в 3-х т. / под общ. ред. Б. Бонвеча, Ю. В. Галактионова. М.: КДУ, 2008. Т. 1. С древнейших времен до создания Германской империи. 554 с.
3. **Реутин М. Ю.** Народная культура Германии. Позднее Средневековье и Возрождение. М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 1996. 217 с.
4. **Савицкая Т. Е.** Рыцарь-Фальстаф: форма и содержание образа (кувшин эпохи историзма из собрания Радищевского музея) // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2017. № 2 (8). С. 135-143.
5. **Busch W.** Die kühne Müllerstochter [Электронный ресурс]. URL: <http://hoffmann.bplaced.net/epub/busch.php#Muellerstochter> (дата обращения: 05.02.2019).
6. **Busch, Wilhelm** // Allgemeines Lexikon der bildenden Künstler von der Antike bis zur Gegenwart begründet von Ulrich Thieme und Felix Becker: in 37 Bänden. Leipzig: Verlag von E. A. Seemann, 1911. Bd. 5. Brewer – Carlingen. S. 282-284.
7. **Kurze Geschichte der deutschen Literatur** / К. Böttcher u. H. J. Geerds (Leitung). Berlin: Volk und Wissen, Volkseigener Verlag, 1983. 831 S.
8. **Piltz G.** Deutsche Graphik. Leipzig – Jena – Berlin: Urania-Verlag, 1968. 307 S.
9. **Sandberg H.** Größe und Grenze Wilhelm Busch // Busch, Wilhelm. Dieses war der erste Streich. Mit einer Einleitung von Herbert Sandberg und erläuternden Texten von Wolfgang Teichmann. Berlin: Eulenspiegel Verlag, kein Jahr. S. 7-11.
10. **Worstbrock F. J.** Pinicianus (Kening), Johannes // Deutscher Humanismus 1480-1520: Verfasserlexikon: in 2 Bänden. Berlin: 2013. Bd. 2. S. 445-465.

TEXT AND IMAGE IN THE GERMAN GRAPHICS OF THE SECOND HALF OF THE XIX CENTURY: PECULIARITIES OF INTERRELATION (W. BUSCH)

Borovskaya Marina Igorevna
Devyataikina Nina Ivanovna, Doctor in History, Professor
Saratov State Conservatoire
borma@list.ru; devyatay@yandex.ru

The article analyses W. Busch's (1832-1908) "synthetic text" – "Die kühne Müllerstochter" – which contains a tale in verse and graphical illustrations. Relevance and scientific originality of the paper are conditioned by absence of modern studies on such issues as interrelation of verbal and visual elements in W. Busch's works, the author's artistic means, addressing techniques, responsiveness to challenges of the epoch. The conclusion is made that he created two meaningfully valuable texts, which are harmoniously interrelated. The second conclusion is that W. Busch's artistic language has the features of historicism.

Key words and phrases: Wilhelm Busch; "Die kühne Müllerstochter"; book graphics; tales in verse; historicism epoch; image; "synthetic" text.